

**ЛЕВ
СЛАВИН**

ИЗБРАННОЕ

Рассказы и очерки

Лев Славин

**Последние дни
фашистской империи**

1945

Славин Л. И.

Последние дни фашистской империи / Л. И. Славин —
1945 — (Рассказы и очерки)

Смерть фашистской империи лишена величия. Искусство трагика не прикоснется к этому сюжету. В нем нет ничего возвышенного. Это не трагедия, это кровавая истерика. Гитлеровская Германия умерла, как и жила, во лжи, в крови и в грязи.

Содержание

I. БЕРЛИН ИЗНУТРИ	5
1	5
2	7
3	9
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лев Славин

Последние дни фашистской империи

I. БЕРЛИН ИЗНУТРИ

1

Смерть фашистской империи лишена величия. Искусство трагика не прикоснется к этому сюжету. В нем нет ничего возвышенного. Это не трагедия, это кровавая истерика. Гитлеровская Германия умерла, как и жила, во лжи, в крови и в грязи.

Судьба благоприятствовала мне. Проведя четыре года на войне, я увидел конец ее в Берлине. Личные наблюдения, допросы и другие материалы позволили составить некоторое представление о предсмертных минутах фашистского режима. Я расскажу здесь о восьми последних днях гитлеровского Берлина.

Что же происходило внутри германской столицы, когда бои шли на ее подступах?

Берлин был разделен на девять секторов обороны. Восемь из них обозначались буквами алфавита: «А», «В», «С» и т. д. Девятый, расположенный в центре Берлина, назывался «Цитадель». Гитлеровцы считали его неприступным. Это был мозг фашистского Берлина: район правительственных зданий и парк Тиргартен.

Каждый сектор защищал гарнизон численностью до двадцати четырех тысяч человек. Начальники участков назначались лично Гитлером из числа офицеров, которым он особенно доверял. Так, участком «А» командовал некий Фенгер, любимец Гитлера, произведенный им из солдат в подполковники, – боевые заслуги при этом роли не играли. Но так как оказалось, что для защиты Берлина недостаточно одних изъявлений преданности, а нужен еще и боевой опыт, то в самые последние дни начальником обороны Берлина был назначен человек, далекий от гитлеровского окружения, – генерал артиллерии Вейдлинг.

Правда, боевой опыт генерала на Восточном фронте был несколько односторонним, хотя, вообще говоря, Гельмут Вейдлинг был старым боевым офицером. Во время первой мировой войны он командовал дирижаблем «Цеппелин». В войне 1939 года с Польшей он был командиром артиллерийского полка. Во французской кампании 1940 года – начальником артиллерии армейского корпуса. Участник боев на Балканах.

Что же касается Восточного фронта, то здесь в 1941 – 1942 годах он отступал от Москвы. В 1943 году, командуя дивизией, отступал от Курской дуги. В 1944 году, командуя 9-й армией, бежал от Бобруйска, бросив свои разгромленные войска в котле. В 1945 году, сниженный в должности до командира корпуса, отступал из Восточной Пруссии. Позже, в апреле, со своим танковым корпусом отступал от Одера, откуда, собственно, и началась великая битва за Берлин. И, наконец, Вейдлинг – последний защитник столицы.

По своей новой должности генерал Вейдлинг ежедневно бывал с докладом у Гитлера и его министров. Для этого он каждый вечер спускался в комфортабельное многоэтажное убежище под Новой имперской канцелярией, откуда фашистские заправилы пытались руководить уже фактически несуществовавшей империей. Каков контраст! Еще недавно им принадлежала Европа. Теперь в их распоряжении было несколько подвалов, окруженных пылающими развалинами Берлина. Из слов Вейдлинга можно было понять, что и в этой подземной мышеловке Гитлером продолжала владеть мания величия и болтливость. Он не переставал издавать приказы, которые уже некому было исполнять. Он царствовал в безвоздушном пространстве.

Вейдлинг – высокий смуглый старик лет под шестьдесят, опущенный седовато-русскими волосами. Манеры его отличаются той напряженностью, которая свойственна многим немецким военным. Даже доходя до самых драматических моментов этой истории, Вейдлинг мало оживляется и продолжает повествовать в духе все той же монотонной торжественности.

Впрочем, он проявил несколько больше здравого смысла, чем другие, сообразив 2 мая, что самое благоразумное в его положении – сдаться в плен.

Мне было тем более интересно знакомиться с показаниями генерала Вейдлинга, что 2 мая я был на месте происшествия – в Новой имперской канцелярии, только что захваченной нашими частями. Даже сквозь свежие следы боев были явственно различимы признаки величайшей растерянности, владевшей защитниками этого центрального правительственного учреждения Германии. Неожиданное получила личная библиотека Гитлера. Ее книгами были забаррикадированы широкие окна имперской канцелярии. На книгах – экслибрисы Гитлера и надписи от авторов «фюреру». Всюду валялись растерзанные гранатами экземпляры «Майн кампф». Судя по их количеству, любимым автором Гитлера был Гитлер.

В саду, при канцелярии, изрядно побитом снарядами, но где все же местами цвела сирень, валялись трупы самоубийц – штабных работников, эсэсовцев и гестаповцев. Его так и называли: «Сад самоубийц».

Карьера пришла к генералу Вейдлингу слишком поздно. Он был назначен командующим обороной Берлина 24 апреля, то есть за восемь дней до падения Берлина. Он принял это назначение, по его словам, неохотно. Не только потому, что хорошо знал переменчивый нрав самолюбленного тирана, не только потому, что назначение это произошло, так сказать, в порядке панических поисков «верных людей», а главным образом потому, что, как старый, опытный солдат, Вейдлинг понимал, что положение Берлина безнадежно.

Однако он не посмел уклониться. Он знал, что Гитлер скор на расправу. Он хорошо помнил, как год назад Гитлер приказал расстрелять его за катастрофу 9-й армии под Бобруйском. Расстреливали и за меньшее, особенно в последнее время. Иногда просто за расхождение с Гитлером в вопросах военной тактики. Другие пленные генералы рассказывали:

– Пока германская армия побеждала, Гитлер приписывал эти победы себе. Когда германская армия начала терпеть поражения, Гитлер приписывал эти поражения генералам. Между тем, что мы могли? Гитлер, забрав в свои руки высшую военную власть, парализовал действия армии. Руководителем ОКВ (верховного командования) считался генерал-фельдмаршал Кейтель. Офицеры насмешливо прозвали его – Лакейтель... Еще у него было ироническое прозвище – начальник имперской бензоколонки. Ибо власть его фактически распространялась только на запасы бензина... А на фронте дело дошло до того, что командующий армией не мог передвинуть даже батальона с одного участка на другой без личного разрешения Гитлера...

К этому необходимо добавить, что после разгрома фашистов под Сталинградом так называемая пропаганда шепотом (то есть слухи, намеренно пущенные в немецком народе нацистскими властями) утверждала, что стратегия Гитлера была, дескать, правильной, но генералы якобы извращали ее. В свою очередь, генералы валили ответственность за свои поражения на Гитлера. Это тот случай, когда обе стороны правы.

Попав в плен, германские генералы охотно подчеркивали свою якобы «оппозиционность» по отношению к Гитлеру. На самом деле они служили ему верой и правдой. В том числе и Вейдлинг, который, несомненно, был предан фашистскому режиму не за страх, а за совесть.

Действительно, вскоре Гитлер отменил свой приказ о расстреле генерала Вейдлинга. Тем не менее слово «расстрел» незаметно для самого генерала то и дело упоминается в его показаниях. Видимо, призрак расстрела беспрерывно витал над окружением Гитлера. Палачи всегда под руками: эсэсовцы из отряда личной охраны Гитлера.

2

Мне удалось повидать этих головорезов все в тот же памятный день 2 мая. Я искал вход в пресловутое подземелье, где всю войну укрывалась гитлеровская верхушка. Мне было известно, что туда можно было проникнуть из Новой имперской канцелярии по лестнице и по лифту. Однако, когда я приблизился к этому ходу, я уже не нашел его: накануне он был разворочен нашими снарядами. Берлинцы указали мне другой ход – непосредственно с улицы.

В добровольных гидах тогда недостатка не было. Сразу же после капитуляции Берлина, как только утихла стрельба, жители высыпали на улицы во множестве. В Берлине к моменту капитуляции оставалось, по-видимому, не менее двух миллионов человек. С метлами и лопатами в руках берлинцы принялись убирать с улиц щебень и кирпич. Таскали воду из колонок, искусно лавируя между падавшими отовсюду горящими головешками. Усердно растаскивали товары из полуразрушенных магазинов. И все это многие из них делали с таким будничным, деловитым видом, точно ничего особенного не случилось, точно не произошло только что на глазах их величайшее историческое событие: пала их столица, рухнуло их государство. Что это: бесчувственность? усталость? безразличие? жажда покоя?...

Следуя указаниям берлинцев, я пошел по Вильгельм-штрассе и, обогнув слева здание Новой имперской канцелярии, оказался перед входом в знаменитое подземное убежище. Вход прикрывался огромной бронированной плитой. Сейчас она была в приподнятом положении, позволяя пройти вниз. Обычно во время бомбежек особый механизм опускал эту плиту.

По крутой лестнице я сошел в убежище. Открылся длинный коридор, облицованный кафелями. Он был залит ярким светом, из кранов в стенах текла вода. Странно было видеть электричество и воду в разрушенном Берлине. В этом огромном убежище – своя электростанция, водопровод, радиоузел. Все осталось в исправности. Во всю длину коридора, оставляя лишь узкий проход посередине, лежали на нарах, на койках, а то и просто на полу раненые эсэсовцы, личные телохранители Гитлера. Исподлобья смотрели они на проходивших мимо них советских офицеров. Многодневная небритость усиливала в их лицах выражение жестокости. Более обширной коллекции отталкивающих физиономий мне не приходилось видеть. Здесь был госпиталь для этих охранников Гитлера, раненных во время боя за Новую имперскую канцелярию. Некоторые из них стонали от боли в ранах. Признаюсь, их не было жалко. По коридору сновали пленные немецкие врачи и сестры с перевязочными материалами и медикаментами. Многие эсэсовцы убежали в нижние этажи убежища, и наши бойцы проникали в глубины подземелья и выковыривали их оттуда. Эсэсовцев боялись немецкие генералы, но не русские бойцы.

Здесь уже стоял наш пост. Командовал им капитан из комендантского управления. Он пригласил меня в свой кабинет, который еще сегодня утром был одним из кабинетов Геббельса.

– Хотите вина? – спросил капитан.

При этом он взглянул на меня так значительно, что я сказал:

– Какое-нибудь особенное вино?

– Особенное в нем то, что его будет подавать виночерпий Гитлера. Ведь вся его челядь осталась здесь.

Действительно, через несколько минут худой старик в неопрятном смокинге разливал нам скверный немецкий вермут. На лице его застыла маска профессионального лакейского подобострастия.

Я сказал капитану, что хочу пройти по госпиталю и поговорить с эсэсовцами.

– Не советую. Вы видели – их тут несколько сот. А у меня, – капитан нагнулся ко мне и конфиденциально прошептал, – шесть бойцов. Пырнет вас какая-нибудь сволочь – я даже не узнаю.

Все же я пошел. Никто меня не «пырял». Смотрели злобно, но разговаривали, и я узнал от них некоторые подробности о быте подземной резиденции Гитлера, которые я использовал в этом рассказе.

Возвращаюсь к прерванному повествованию,

3

Генерал Вейдлинг в день своего назначения, то есть 24 апреля, в 17 часов 00 минут явился к Гитлеру. Квартира Гитлера помещалась в том же подземелье и была прикрыта сверху массивной железобетонной плитой. До этого Вейдлинг видел Гитлера год назад. И вот Гитлер снова перед ним. Да, это все тот же узкоплечий, широкозадый и низколобый человек с подбородком грузным, как висячий замок, с вечно гримасничающим лицом. Он, он... И все же...

– Увидев фюрера сейчас, – говорит Вейдлинг, – я был поражен его видом. Меня потрясли перемены, происшедшие в нем. Передо мной была руина человека. Голова его тряслась, руки дрожали, голос был невнятным. С этого дня ежедневно вечером я являлся к нему с докладом о положении и обстановке на берлинском фронте. И с каждым днем вид Гитлера становился все хуже...

Как известно, Берлин капитулировал 2 мая. Но еще 1 мая наши части проникли глубоко в город.

Я видел в тот день, как наши автоматчики с ходу взяли один из берлинских призывных пунктов со всем его содержимым – призывниками-фольксштурмистами. Двор был полон ими. Кругом шел бой, когда они, чинно регистрируясь, получали винтовки и фаустгранаты, на которые они смотрели с некоторым опасением. Один из них сидел на корточках перед большим мусорным ящиком и неумело малевал на нем геббельсовский лозунг; «Berlin bleibt deutsch!»¹. Самому старому из этих ополченцев было шестьдесят четыре года, самому молодому – сорок два. Прочие иронически называли его «юношей». Геббельс сформировал двести батальонов фольксштурма. Вооруженные десятью – пятнадцатью пулеметами и фаустгранатами, они располагались за баррикадами, составленными из трамвайных вагонов, наполненных кирпичами, либо попросту из срубов, набитых песком, поверх которых стояли повозки с землей. Нередко эти баррикады были обложены стальными плитами. Надежды Геббельса не оправдались. При первом серьезном нажиме фольксштурмисты разбежались. Другое дело регулярные части: те дрались жестоко. Но они были обескровлены еще в боях на подступах к Берлину.

Там же, на дворе, я поднял берлинскую газету «Моргенпост» от того же 24 апреля. К этому времени она дошла до состояния маленького листка на двух страничках. Здесь я прочел паническое воззвание Гитлера с обильным упоминанием любимого его слова «расстрел».

«Каждый, кто пропагандирует мероприятия, ослабляющие силу сопротивления, или даже просто с ними соглашается, является предателем. Он тотчас расстреливается на месте или посылается на виселицу. Так же нужно поступать и с теми, кто утверждает, что подобные мероприятия якобы исходят от лица гаулейтера Берлина имперского министра доктора Геббельса или даже от лица фюрера... Адольф Гитлер».

Берлинские жители, с которыми я разговаривал, утверждали, что воззвание – одно из последних воззваний Гитлера – внесло окончательную сумятицу в умы берлинцев. Никто не знал, какому приказу властей отныне полагается верить, какому – нет. Воцарилась атмосфера всеобщего взаимного недоверия и подозрительности. Поползли слухи о том, что Гитлер – это вовсе и не Гитлер, а его двойник. Страх и паника господствовали в осажденном Берлине.

В том же номере «Моргенпост» Геббельс писал:

«Я могу констатировать, что в Берлине господствует решительный боевой дух и нет ни малейшего следа настроений в пользу капитуляции. Белые флаги не будут вывешены в столице!...»

В это время многие берлинцы тайком кроили белые флаги из простыней и нижнего белья. В большом спросе были полотенца.

---

¹ Берлин останется немецким! (нем.).

Вопреки оптимизму этих казенных реляций, гитлеровская верхушка пребывала в мрачном и тоскливом беспокойстве. Сам Гитлер, по словам людей, наблюдавших его в эти последние дни, проявлял истерическую переменчивость в настроениях. От безнадежности он переходил к фантастическим упованиям на победу, с тем чтобы через минуту снова впасть в минорный тон.

В один из таких пессимистических дней, 22 апреля, он заявил в своем обычном декламационном стиле, от которого он не в силах был отказаться даже в эти предсмертные дни, что наступает гибель империи и что он сам решил пасть на пороге Имперской канцелярии. При этом присутствовали генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генерал-полковник Альфред Йодль и рейхслейтер Мартин Борман, приближенное к Гитлеру лицо, непосредственный руководитель нацистской партии. В народе его называли «серое преосвященство». Это – коренастый брюнет с бычьей шеей, с грубым и хитрым лицом.

Кроме того, там была скромная личность – стенографист Герхарт Гезелль, молодой невзрачный человек. Он то впоследствии и рассказал об этом разговоре.

В ответ на декламацию Гитлера генерал Кейтель деликатно намекнул, что ведь это, собственно, противоречит планам самого Гитлера, которые он только вчера принял, и оглянулся на малоразговорчивого Йодля, ожидая от него поддержки. Тот неохотно промямлил, что, дескать, да, 12-я армия генерала Венка и некоторые другие части, вероятно, еще могут изменить положение под Берлином.

Но Гитлер, пристрастившись к избранной им на сегодняшний день жертвенной позе, повторил в еще более пышных выражениях, что он умрет в погибающем Берлине – и это будет высшая служба во имя чести германской нации. При этом он выразительно посмотрел на окружающих.

Йодль коротко сказал:

– Мое дело руководить войсками, а не быть убитым среди руин.

Вышел и прямым ходом направился в квартал Гатов, где на посадочной площадке стоял четырехмоторный «Кондор», готовый к отлету.

Гитлер посмотрел ему вслед, неприятно пораженный, и это Йодль! Тот самый Альфред Йодль, который обязан ему всем, которого он из майоров вытянул в генерал-полковники в награду за знаменитый донос Йодля в 1938 году на фрондировавших тогда генералов Рундштедта, Браухича, Лееба, Бока, Листа, Клейста и других, устроивших секретное совещание, куда незаметно для них прокрался и подслушал их Йодль.

– Улетайте все, – сказал Гитлер после неловкой паузы.

Лакейтель слащаво вскрикнул, подлаживаясь под возвышенный стиль разговора:

– Мой фюрер! Если мы вас покинем, мы никогда не сможем смотреть в глаза собственным женам и детям.

– Уезжайте! – повторил Гитлер. – Уезжайте скорее! Русские могут прийти сюда через неделю. Через два дня! Через десять минут! Уезжайте в Южную Германию! Создайте там правительство! Своим заместителем я назначаю Геринга!

Это не помешало Гитлеру, со свойственной ему переменчивостью, через некоторое время, как это будет видно из дальнейшего рассказа, отдать приказ об аресте Геринга.

Кейтель не заставил больше просить себя. Он вышел из убежища и, видимо решив, что с женой и детьми он как-нибудь поладит, помчался на аэродром, нещадно понукая шофера.

А вскоре выскользнул и тихий стенографист Гезелль. Зажимая под мышкой папки и бумаги, он бросился по Герман-Герингштрассе туда же, в Гатов. Когда свистели, пролетая, русские снаряды, он ложился на тротуар и пережидал. Потом опять бежал по пустынным улицам что было силы. Он знал, что больше самолетов из Гатова не будет. Задыхаясь, он прибежал на аэродром в последний момент и вскарабкался на самолет. Гигантский «Кондор», набитый при-

ближенными Гитлера, поднялся над Берлином, скользнул над русскими позициями и вскоре благополучно снизился в Берхтесгадене. Здесь все пассажиры были арестованы американцами.

4

А 25 апреля Гитлер снова метнулся в безудержный оптимизм. В этот день генерал Вейдлинг явился к нему с очередным докладом.

Доклад был достаточно мрачен. Гитлер слушал молча, устремив глаза в железобетонный потолок, который действовал на него успокоительно.

Каково же было потрясение Вейдлинга, когда Гитлер принялся возражать ему! Гитлер не мог не знать, что еще вчера, 24 апреля, войска маршала Жукова овладели к западу от Берлина радиоузлом Науэн со всем его оборудованием и персоналом, врезались в самый Берлин, заняли в северной его части квартал Панков, в западной – квартал Тегель, в восточной – Силезский вокзал, а сегодня, 25 апреля, перерезали все пути из Берлина на запад, соединились северо-западнее Потсдама с частями 1-го Украинского фронта и таким образом завершили полное окружение Берлина.

Шла великая битва на всей площади Берлина, заставленной каменными джунглями. Наступление не замедлялось ни на один час. Эшелоны наступали беспрерывно и посменно: первый – днем, второй – ночью. Противник не имел возможности закрепиться на рубежах. За кажущимся хаосом уличных боев стояла стройная система наступления, тщательно продуманная и неуклонно воплощаемая нашим командованием. Войска генерала Берзарина вышли к площади Александерплац, танки генерала Богданова прорвались северо-западнее Тиргартена, дивизия генерала Чуйкова и танки генерала Катуква форсировали Ландвер-канал, войска генерала Кузнецова достигли укрепленного района рейхстага с севера. Армия генерала Перхоровича обошла Берлин с юго-запада и соединилась с частями маршала Конева. Берлин был замкнут в кольцо.

А там, на западе, фельдмаршал Монтгомери и генерал Бредли со стремительностью, которой им так недоставало раньше, пустились в запуск к Берлину. Это походило на скачки без препятствий. Был в Берлине человек, который ждал их с истерическим нетерпением, – Гитлер. Бой постепенно сгущался к центру. Здесь образовался как бы остров – Александерплац, Тиргартен, рейхстаг, – бешено защищаемый гитлеровцами. На перекрестках были вкопаны немецкие танки – как доты. Из подворотен выглядывали немецкие зенитки с необычно низким наклоном стволов, предназначенным для наземного боя. Наши железнодорожники, проникшие к Силезскому вокзалу, перешли его пути. Тут же по этой колее подкатали крепостные орудия. Эти махины открыли огонь по центру. Каждый снаряд весил полтонны. Советские воины дрались с упоением, чувствуя, что заколачивают последние гвозди в гроб гитлеровского фашизма.

Гитлер знал обстановку, но его ограниченный самовлюбленный умишко не мог оценить и истолковать ее. Самонадеянное германское командование издавна страдало раздутым самомнением. За двадцать семь лет до того, в 1918 году, старый опытный генерал Людендорф накануне краха Германии в первой мировой войне заявил, что военное положение не дает оснований для пессимизма и что невозможно сомневаться, что Германия выйдет из войны победительницей. Старое прусское чванство делало германскую военщину недалёковидной.

В ответ на неопровержимые доводы генерала Вейдлинга о безнадежности положения Гитлер принялся отрывочно выкрикивать, беспорядочно тыкая дрожащим пальцем в карту:

– Скоро положение улучшится. Девятая армия подойдет к Берлину. Она ударит по русским. Я приказал. одойдет также Двенадцатая ударная армия генерала Венка с запада. Она ударит по южному флангу русских. Таков мой приказ. Не все. С севера подойдут войска генерала Штейнера – удар по северному крылу русских. Вы увидите, генерал, все изменится в нашу пользу...

– Я слушал Гитлера с ужасом, – вспоминает Вейдлинг, – для меня была ясна несбыточность его планов. Девятая армия была окружена и вела тяжкие бои. Армия генерала бронетанковых войск Венка была обескровлена. Я также не верил в наличие войск у Штейнера...

Генерал Вейдлинг выразился излишне сдержанно. От армии Штейнера к этому времени остался только штаб, располагавшийся к северу от Берлина, ибо еще в марте армия эта была наголову разбита войсками 1-го Белорусского фронта. Что касается 12-й ударной армии, то она фактически состояла из трех дивизий, укомплектованных семнадцатилетними курсантами, и именно в этот день упала на Эльбе в гостеприимно подставленные американские объятия. А 9-я армия в это время была окружена и доколачивалась нашими войсками. Вся берлинская оборона, с таким каллиграфическим усердием расписанная гитлеровскими генштабистами, разлетелась в прах. Гитлер призывал призрак.

И долго еще в эфире сновали его истерические вопли, уловленные нашими радистами: «Где Двенадцатая армия?», «Где Штейнер?», «Почему Штейнер не наступает?», «Где штаб Штейнера?», «Когда Двенадцатая начнет наступать?».

Фашистские бандиты были верны себе. Все вокруг переменялось, они одни сохраняли стиль своего существования: продолжали лгать друг другу, себе, народу, продолжали грызться из-за власти.

Прибыла по радио телеграмма Геринга. Это было 26 апреля, то есть за несколько дней до капитуляции. Об этой телеграмме Вейдлингу рассказал вновь назначенный начальник генштаба генерал Кребс, единственный, с кем Вейдлинг в этой атмосфере всеобщей взаимной ненависти сохранял приличные отношения. В телеграмме Геринг напоминал Гитлеру содержание одной из его речей в рейхстаге. Гитлер в этой речи заявлял, что в тот момент, когда он не в состоянии будет более руководить государством, он отдаст власть и руководство Гессу, а в отсутствие Гесса – Герингу. И вот Геринг в своей телеграмме указывал, что ныне Гитлер оторван от страны и что, следовательно, он должен передать руководство ему, рейхсмаршалу Герману Герингу.

Гитлер категорически отклонил требование Геринга и угрожал ему при этом какими-то чрезвычайными мерами. Специальным приказом он передал власть в Южной Германии генерал-фельдмаршалу Кессельрингу, в северной – гроссадмиралу Деницу. По словам генерала Кребса, в ответной телеграмме Гитлера Герингу присутствовало его любимое слово – «расстрел».

Геринг был арестован, как рассказывает стенографист Гезелль, эсэсовцами в Берхтесгадене. «За что, за что? – фальшиво закричал имперский маршал, разряженный с попугайной пестротой в светло-голубой замшевый мундир, красные сапоги с золочеными шпорами и фантастический головной убор. – Не я ли двадцать три года боролся за фюрера...» Толстяка потащили в тюрьму в Куфштейне... Поистине поразительное зрелище представляла собой эта свалка фашистских псов над костью, которой уже не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.